

Египетские ночи — эпизод 3 из 5

Я знал, что вы мне поможете. *Corpo di Vasso!*⁷ Вы поэт, так же, как и я; а что ни говори, поэты славные ребята! Как изъявлю вам мою благодарность? постойте... хотите ли выслушать импровизацию?

Импровизацию!.. разве вы можете обойтись и без публики, и без музыки, и без грома рукоплесканий?

Пустое, пустое! где найти мне лучшую публику? Вы поэт, вы поймете меня лучше их, и ваше тихое ободрение дороже мне целой бури рукоплесканий... Садитесь где-нибудь и задайте мне тему.

Чарский сел на чемодане (из двух стульев, находившихся в тесной конурке, один был сломан, другой завален бумагами и бельем). Импровизатор взял со стола гитару и стал перед Чарским, перебирая струны костливыми пальцами и ожидая его заказа.

Вот вам тема, сказал ему Чарский: поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением.

Глаза итальянца засверкали, он взял несколько аккордов, гордо поднял голову, и пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его... Вот они, вольно переданные одним из наших приятелей со слов, сохранившихся в памяти Чарского.

Поэт идет: открыты вежды,

Но он не видит никого;

А между тем за край одежды

Прохожий дергает его...

Скажи: зачем без цели бродишь?

Едва достиг ты высоты,

И вот уж долу взор низводишь

И низойти стремишься ты.

На стройный мир ты смотришь смутно;

Бесплодный жар тебя томит;

Предмет ничтожный поминутно

Тебя тревожит и манит.

Стремиться к небу должен гений,

Обязан истинный поэт

Для вдохновенных песнопений

Избрать возвышенный предмет.

Зачем крутится ветер в овраге,

Подъемлет лист и пыль несет,

Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пенъ? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон
Что хочет, то и носит он
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона избирает
Кумир для сердца своего.
Итальянец умолк... Чарский молчал, изумленный и растроганный.
Ну что? спросил импровизатор. Чарский схватил его руку и сжал ее крепко.
Что? спросил импровизатор, каково?
Удивительно, отвечал поэт. Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и
уже стала вашею собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли,
развивали ее беспрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни
охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?..
Удивительно, удивительно!..
Импровизатор отвечал:
Всякой талант неизъясним. Каким образом ваятель в куске каррарского
мрамора видит сокрытого Юпитера и выводит его на свет, резцом и молотом
раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже
вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными
стопами? Так никто, кроме самого импровизатора, не может понять эту
быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и
чуждой внешнею волею тщетно я сам захотел бы это изъяснить. Однако...
надобно подумать о моем первом вечере. Как вы полагаете? Какую цену
можно будет назначить за билет, чтобы публике не слишком было тяжело и
чтобы я между тем не остался в накладе? Говорят, la signora Catalani⁸ брала
по 25 рублей? Цена хорошая...
Неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг упасть под лавку
конторщика; но он очень хорошо понимал житейскую необходимость и
пустился с итальянцем в меркантильные расчеты. Итальянец при сем случае

обнаружил такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому, который поспешил его оставить, чтобы не совсем утратить чувство восхищения, произведенное в нем блестящим импровизатором. Озабоченный итальянец не заметил этой перемены и проводил его по коридору и по лестнице с глубокими поклонами и уверениями в вечной благодарности.

Цена за билет 10 рублей; начало в 7 часов.

Зала княгини ** отдана была в распоряжение импровизатору. Подмости были сооружены; стулья расставлены в двенадцать рядов; в назначенный день, с семи часов вечера, зала была освещена, у дверей перед столиком для продажи и приема билетов сидела старая долгоносая женщина в серой шляпе с надломленными перьями и с перстнями на всех пальцах. У подъезда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарский приехал из первых. Он принимал большое участие в успехе представления и хотел видеть импровизатора, чтоб узнать, всем ли он доволен. Он нашел итальянца в боковой комнатке, с нетерпением посматривающего на часы.